

В офисе компании «Цинъя Юйлэ» царило тягостное молчание. Жун Цзюэ сосредоточенно, вещь за вещью, укладывал свою жизнь в коробки. Его помощник, Сяо Тао, замер рядом; на лице здоровяка читалось искреннее отчаяние. Закончив сборы, Жун Цзюэ выпрямился и в последний раз окинул взглядом студию. Стоит признать, «Цинъя» когда-то приняла его радушно: это помещение, служившее одновременно и рабочим кабинетом, и зоной отдыха, было едва ли не лучшим в здании, не считая апартаментов высшего руководства.

Все эти годы он вечно пропадал в разъездах. Жун Цзюэ редко здесь бывал и никогда не считал это место своим домом, но сейчас, когда пришло время уходить — возможно, навсегда, — он вдруг ощутил странную тоску.

Ему было жаль оставлять эти стены, жаль покинуть компанию, но выбора не оставалось... Он не мог и не хотел втягивать бывших коллег в свои неприятности. Вещей оказалось немного: одежда да кое-какие украшения. Жун Цзюэ медленно обошел комнату, надел темные очки и, остановившись у выхода, похлопал Сяо Тао по плечу.

— Я ухожу, — негромко произнес он. Голос звучал глухо. — Береги себя. И... не будь таким рассеянным.

Сяо Тао, парень ростом под метр девяносто, не выдержал. Он зарыдал — громко, навзрыд, совершенно не заботясь о том, как это выглядит со стороны.

— Жун-гэ! — выдавил он сквозь рыдания. — Может, всё-таки извинишься перед Фу Ляном? Потерпи немного, всё уляжется...

Жун Цзюэ не успел ответить. Дверь кабинета распахнулась с бесцеремонным грохотом, и на пороге возник молодой человек с тонкими, холеными чертами лица. Он язвительно усмехнулся.

— Золотые слова, Жун-гэ. Если опустишься на колени и слезно меня попросишь, я, так и быть, уговорю босса Е сменить гнев на милость.

Это был Фу Лян.

Жун Цзюэ окаменел. Но прежде чем он успел вставить хоть слово, Сяо Тао, который только что советовал смириться, мгновенно ошетинился:

— Ты что здесь забыл?! Посторонним вход воспрещен, проваливай отсюда!

Фу Лян даже не удостоил помощника взглядом.

— Каков хозяин, таков и слуга, — процедил он с неприкрытым презрением. — Послушай, парень, ты что, тоже решил поставить крест на своей карьере?

Сяо Тао на мгновение замешкался, испугался, но он упрямо не сдвинулся с места. Жун Цзюэ мягко отодвинул его себе за спину и спокойно встретил взгляд врага.

— Зачем ты пришел? Видеть тебя не желаю. Ни сейчас, ни когда-либо еще.

— Не желаешь? — Фу Лян расхохотался. — О, боюсь, это будет непросто. Очень скоро моё лицо будет смотреть на тебя из каждого телевизора и ноутбука. Жаль нашего «маленького короля», а? Только-только взлетел, пустил волну — и всё, кончился артист. Жун Цзюэ, неужели ты ни о чем не жалеешь? Хотя теперь-то что... Глупо было переходить дорогу боссу Е.

— Видимо, я просто не умею быть таким бесстыжим, — парировал Жун Цзюэ. — Не привык из кожи вон лезть, лишь бы ухватиться за чужую штанину. Ты ведь готов не просто в постель прыгнуть, а на поводке у хозяина ходить. Не радуйся раньше времени, Фу Лян. Придет день, и ты горько пожалеешь.

Фу Лян лишь холодно фыркнул:

— Да брось строить из себя святошу! Будто сам под мужиков не ложился. Только мой выбор оправдан: босс Е обеспечит меня лучшими контрактами, в отличие от твоих никчемных покровителей.

Жун Цзюэ вдруг странно, почти пугающе улыбнулся.

— Фу Лян, ты и впрямь возомнил, будто вершишь судьбы в этом бизнесе? И тебе всё дозволено?

Соперник насторожился.

— Можешь не пытаться меня запугать. Насчет остальных не знаю, но с тобой я расправлюсь играючи.

— Ладно, — кивнул Жун Цзюэ пугающе спокойно. — Только потом не ной.

Фу Лян презрительно хмыкнул и, громко хохоча, вышел из кабинета. Сяо Тао, стоявший рядом с Жун Цзюэ, в ярости стиснул зубы:

— Мелкий пакостник! Дорвался до власти...

Жун Цзюэ промолчал. Какая разница, кто и чего добился подлостью, если в данный момент победителем выглядит именно этот «пакостник»? Он снова похлопал помощника по плечу.

— Я ухожу. Удачи тебе.

— Жун-гэ, позволь мне проводить тебя до машины.

Жун Цзюэ поколебался, но покачал головой:

— Не стоит.

Он не хотел, чтобы Фу Лян затаил злобу еще и на Сяо Тао, или чтобы вездесущие репортеры засняли их вместе, испортив парню будущее. Сяо Тао вытер лицо ладонью. Глядя на одинокую фигуру Жун Цзюэ, покидающую обжитую студию, он внезапно решил и бросился вдогонку.

— Жун-гэ! Я решил — я ухожу с тобой!

Жун Цзюэ остановился и невесело усмехнулся:

— Я сейчас и сам едва держусь на плаву. Пойдешь за мной — вместе в грязи утонем. Не делай глупостей, послушай меня.

— Но, Жун-гэ... Твои родственники ведь продали твой дом! Куда ты пойдешь? Перебирайся ко мне, места хватит.

Жун Цзюэ помрачнел. После того как глава «Шэньтянь Юйлэ» негласно объявил ему войну, жизнь превратилась в кошмар. Его вызвали прямо среди кастинга, чтобы расторгнуть контракт. Разумеется, компания была обязана выплатить неустойку, и это было единственным жестом доброй воли — иначе его могли просто «заморозить» на годы, а огромный штраф за разрыв договора по его инициативе он бы никогда не потянул.

Он ожидал ударов от конкурентов, привык к подножкам в индустрии, но нож в спину от собственной семьи стал полной неожиданностью. Родители и старший брат, едва узнав, что он лишился влияния, первыми же делом продали его роскошный особняк и исчезли вместе с деньгами.

Несмотря на популярность, Жун Цзюэ не успел накопить много активов. Из недвижимости у него был только тот дом и одна старая конура. Теперь, когда особняк ушел законным покупателям, у него не осталось выбора. Он мог бы заявить в полицию и судиться, но иск против собственных родителей в разгар скандала окончательно уничтожил бы его репутацию. Пресса и публика, не разбираясь в деталях, смешали бы его с грязью.

Поэтому он решил затаиться и всё обдумать.

— Не волнуйся, мне есть где приклонить голову.

Сяо Тао знал упрямый характер своего начальника. Ему оставалось лишь молча смотреть, как

Жун Цзюэ, натянув пониже кепку и поправив очки, незаметно покидает здание «Цинья Юйлэ».

Дорога, петляя, привела его в один из старых спальных районов на окраине города В. Место было запущенным: обшарпанные малоэтажки стояли вразнобой, а вокруг сновали люди, чья жизнь была бесконечно далека от блеска софитов.

Жун Цзюэ оставил машину на дальней парковке и пешком вошел во двор. Перед ветхим зданием, больше похожим на аварийное жилье, он остановился. В груди шевельнулось странное чувство — он и не думал, что когда-нибудь вернется сюда.

В этом доме у него была крохотная квартирка. Когда-то, чтобы оплатить учебу брату, восемнадцатилетний Жун Цзюэ бросил всё и пошел работать на стройки. Он брался за любой труд, копил каждую копейку и в итоге купил эти сорок квадратов, ставшие его первым настоящим домом.

Судьба совершила крутой поворот: кто бы мог подумать, что простого рабочего, поющего в обеденный перерыв, заметит агент? Жизнь изменилась за одну ночь. Старую квартиру он сохранил как память, и теперь она оказалась его последним убежищем.

Местные жители редко интересовались звездами. Здесь хватало своих забот, и до сплетен шоу-бизнеса никому не было дела. Именно поэтому Жун Цзюэ мог не опасаться папарацци — ни один репортер не догадался бы искать опального кумира в таких трущобах.

Он заранее распорядился прибраться в квартире и перевезти остатки вещей. Единственное, за что он был благодарен родным — они не додумались распродать его одежду и аксессуары. По крайней мере, ему было что носить.

Закончив с обустройством, Жун Цзюэ включил телефон и зашел в соцсети. В ленте Weibo бушевал шторм. Потоки грязи, фальшивые разоблачения и слухи множились с каждым часом. В последнее время его имя не сходило с первых полос, но такая слава не приносила ничего, кроме горечи.

<http://bllate.org/book/17567/1708102>